

Я.А. Пенькова

ИМПЕРАТИВ БУДИ В ДЕЛОВЫХ И ЛЕТОПИСНЫХ ПАМЯТНИКАХ XII–XIV вв.

Статья посвящена исследованию семантических и синтаксических особенностей императивных форм от основы буд- (ниже – *буди*) в деловых и летописных памятниках XII–XIV вв. На материале исследованных памятников выявляются семантические отличия *буди* от прототипических императивных форм, возможные пути возникновения у *буди* производных значений обусловленности и уступки, а также развития разделительного значения на основе уступительного.

Ключевые слова: императив *буди*, древнерусский императив 3 л. ед. ч., значение обусловленности, значение уступки, значение разделительности.

The article is devoted to the analysis of semantic and syntactic peculiarities of the imperative forms derived from the stem буд- (mentioned below as *буди*) in the XII–XIV century official documents and chronicles. The examined texts enable us to recognize the semantic difference of *буди* from the prototypical imperative forms, the hypothetical origins of the conditional and concessive meanings of *буди*, as well as the evolution of the disjunctive meaning on the basis of the concessive.

Key words: imperative *буди*, the old Russian form of the 3rd person sg. imperative, conditional meaning, concessive meaning, disjunctive meaning.

0. Русский императив всегда был предметом пристального внимания исследователей. Причиной этому является уникальное (сопоставимое с положением вокатива в падежной системе) положение императива в системе глагола, связанное с прагматическими, семантическими и формальными особенностями данной формы, а также со способностью к образованию большого количества производных значений (см., например [Князев, 2007]).

Славянский императив, как известно, восходит к индоевропейскому оптативу, формы 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. которого утрачиваются на славянской почве в дописьменную эпоху «в связи с потерей основного значения желательного наклонения» [Потебня, 1977], а форма 3 л. ед. ч., отсутствующая в современном русском языке, сохраняется в древнерусском наряду с формами 2-го лица в качестве полноценного члена императивной парадигмы.

Практически все формы от основы буд- в древнерусском языке обладают особым модально-аспектуальным значением «возможного выявления признака в будущем», обозначаемым обычно как «окажется» [Горшкова, Хабургаев, 1997: 317] («начнет существовать в поле зрения/сознании Наблюдателя»). В ряду глагольных образований от

основы буд- особый интерес вызывает форма императива *буди*, употребляющаяся в исследованных нами летописях (КЛ, ГВЛ, НПЛ, Пск. 3 лет., РЛ, СЛ) и деловых текстах (РП, ГВНП, СГ, ДДГ) XII–XIV вв. в формах 2-го и 3-го л. ед. ч.¹ не только в императивном и оптативном значениях, центральных для повелительного наклонения, но и транспонированно.

1. Императив бытийного глагола *буди* семантически отличается от прототипических императивных форм акциональных глаголов тем, что его субъект волеизъявления желает, чтобы наступило некоторое *состояние* (общим свойством бытийных глаголов является стативность: «они обозначают либо состояние либо происшествие – наступление состояния» [Падучева, 2004: 425]):

нын же ци хрстоу чстыному оуправити коже еси цѣловаль боуди со мною ‘... как ты клялся, будь на моей стороне’ [КЛ, 1149 г., 137];

а боудаль боуди нама шече. да кого всхотать. то имъ боуди князь ‘а Суздаль пусть будет нам обоим общим, и кого захотят, то пусть будет им князем’ [СЛ, 128 об., 1177 г.].

Так, в первом примере **боуди со мною** может быть примерно истолковано как ‘я хочу, чтобы наступило состояние: ты на моей стороне’, во втором примере **то имъ боуди князь** – как ‘я хочу, чтобы наступило состояние: он им князь’.

Благодаря указанной семантической особенности в фокусе оказывается не действие, а состояние, наступление которого показано как не зависящее ни от воли субъекта действия, ни от воли субъекта волеизъявления, поскольку акт волеизъявления предстает скорее как выражение *желания*, нежели *побуждения*. Такая ситуация, при которой «волеизъявления самого по себе недостаточно для реализации... обозначаемого действия, осуществление которого... определяется... не зависящими от субъекта речи факторами» [Сильницкий, 1990: 92], характерна именно для оптатива.

Таким образом, *буди*, как императив бытийного глагола, во многом сохраняет семантическую связь с желательным наклонением, к которому исторически и восходит [Мейе, 1934/2001: 264]: *буди* Р – ‘субъект волеизъявления хочет, чтобы наступило состояние: Р существует в поле зрения/сознании Наблюдателя’.

Семантическая близость к оптативу проявляется в характере употреблений *буди* в исследованных текстах XII–XIV вв. Из 44 случаев употребления *буди* в памятниках преобладает форма 3 л. (33 примера), наибольшее число употреблений которой (20) зафиксировано в составе формульных конструкций с оптативным значением, например:

¹ В исследованных памятниках дважды зафиксирована также форма 2 л. дв. ч., употребляющаяся в собственно императивном значении, например: **рекъ има возлюбленѣи мон чадѣ. боудитя межн собою в любви** ‘говоря им (двоим): возлюбленные мои чада, будьте между собою в любви’ [СЛ, 151 об., 1218 г.].

даже который князь по мь княжении почнетъ хотѣти ти оу стго Геурги а **Бъ боудн** за тѣмь² и **Ста Бца** и тѣ **Стын Геургин** ‘если же какой-нибудь князь после моего княжения захочет отнять (это) у монастыря Святого Георгия, то да будет за этим (за всей этой ситуацией) Бог, и Святая Богородица, и этот Святой Георгий’ [Грамота вел. кн. Мстислава, ок. 1130 г., Хрест.: 40];

да **Бъ боудн** за вснмъ ‘пусть Бог будет за всем этим (все это будет на воле Бога)’ [КЛ, 1159 г., 179];

аще кто разрѣшит се да **бѣдет** проклат да **бѣди емѣ** клатва ж се **преж писана** ‘если кто-нибудь нарушит это, пусть будет проклят... пусть будет ему проклятие, о котором прежде было сказано’ [СГ, 1150 г.].

Особого внимания заслуживают остальные 13 случаев употребления формы 3 л. *буди* (вне приведенных выше формул), которые не всегда удается однозначно соотнести с императивным/оптативным значением, например:

И рече Богъ боудн свѣтъ и высть свѣтъ ‘и сказал Бог: будь свет (да будет свет), и стал (возник) свет’ [РЛ, 246];

Что са оудѣть то вы виновати то на васъ боудн (в X. списке **боудет**) **кровь** ‘если что случится, то вы виноваты, то на вас пусть окажется кровь’ [КЛ, 1135 г., 110об.].

В обоих случаях, на первый взгляд совершенно разных, *буди* оказывается употреблен в ситуации, близкой к перформативной, когда произнесение высказывания является одновременно и выражением волеизъявления говорящего, и совершением обозначенного предикатом действия: произнесение **боудн свѣтъ** уже полагает начало бытию света; произнесением формулы проклятия **на васъ боудн кровь** говорящий возлагает ответственность за возможное кровопролитие на адресата.

В большинстве других случаев (10 из 13) *буди* 3 л., по-видимому, употребляется в собственно императивном значении, сохраняя конкретную временную референцию и возможность выполнения каузирюемого действия, отличающие императив от оптатива. Отнесенность к конкретному моменту в будущем задается или предшествующим контекстом, например:

аче на боудет который радъ или хръстных или поганыхъ а **идевѣ шба** по мѣстоу а **дроужина** мо и полкъ мон а (в X. и П. списках опущено) **то боудн шбою нама** ‘...а дружина моя и войско мое, пусть (это) будет (служит) нам обоим’ [КЛ, 1151 г., 152];

или придаточным, называющим условие, при котором волеизъявление субъекта должно быть исполнено, например:

² Как показано в [Зализняк, 2004: 398], формулы такого типа означают, что речь идет о договоре, «исполнение которого гарантируется непосредственно всевидящим Богом».

аще **боудеть** оскудѣнїе, или какова ноужа, и надобѣ заняти или тысоуца сребра или колико, то се вы **боудн** кавала моя и съ **печатїю** ‘если окажется нехватка или нужда в чем-либо, и нужно (будет) занять или тысячу серебра или сколько бы то ни было, то вот вам пусть будет долговая грамота моя и с печатью’ [РЛ, 327, 1377 г.];

а что **боудеть** моухъ селъ в Новъгородскон волости или моухъ слоугъ, томоу **боудн соудъ** безъ перевода [ГВНП, № 4, 1296–1301 гг.] ‘а что касается моих сел или слуг, которые окажутся в новгородской волости, тому всему пусть будет (приказываю) суд без пересмотра дела’.

Характер употреблений императива 3 лица *буди* (вне формул с оптативным значением) в исследованных памятниках говорит о том, что данная форма не была маркирована по признаку книжности/некнижности, употребляясь как в контекстах книжного характера (2 примера с *буди* в цитатах из Священного Писания, например: **Гса Ба** и **Творьца** своего возлюблени людье на крстѣ **пригвоздиша** глше **кровь его боудн** на насъ и на **чадѣхъ нашихъ** [КЛ, 1175 г., 206об.]), так и некнижного. Так, 3 примера зафиксировано в грамотах (например: **а вашомоу гостевн сѣмо боудн поутъ** **чистъ**. **а нашомоу гостевн боудн** **къ вамъ поутъ** **чистъ** ‘а вашему купцу здесь пусть будет путь свободен, а нашему купцу пусть будет к вам путь свободен’ [СГ, 1284 г.]); 3 – в прямой речи КЛ, характеризующейся, как известно, меньшей степенью книжности, чем слова автора, и близостью к живому древнерусскому языку [Зализняк, 2004а: 51] (например: **и рѣкоша Володимѣрьци да кто с вами в доумѣ то боудн** **вамъ а намъ не надобѣ** ‘и сказали владимирицы: «кто с вами в соглашении, тот будь (пусть будет) вам (ваши), а нам не нужен’ [КЛ, 1175 г., 208]); еще 5 – в СЛ, РЛ, Пск. 3 лет, также в прямой речи (например: **не боудн** **на вас проклатна** **ни отлоученна мене радиѣ** **ѣдоу** **из града вашего вонъ** ‘да не будет (я не хочу, чтобы было) на вас проклятия или отлучения из-за меня; уезжаю из вашего города’ [Пск. 3 лет, 17, 1327 г.]).

Некнижный характер большинства контекстов, в которых употребляется императив 3 л. *буди*, говорит о том, что рассматриваемая форма должна была быть достаточно распространена в живом языке (форма 2-го лица сохранилась до сих пор). Большинство примеров на употребление форм императива 3-го лица *буди* относится к раннему периоду: в памятниках XII века зафиксировано 6 случаев, в XIII в. – 4, в XIV в. – 3; в XV в. – только 1 случай в тексте Пск. 3 лет.: **ажь толко поцѣлоуетъ** **животворящен крестъ князь Александръ** **ко мнѣ** **ино боудн** **вамъ князь**, **а от мене намѣстникъ** [Пск. 3 лет, 95, 1460 г.]. По-видимому, к XV в. императив 3-го лица *буди* постепенно выходит из употребления, сохраняясь лишь в транспонированном употреблении.

2. Уже в ранний период в исследованных памятниках фиксируются употребления *буди* не только в императивном и опативном значениях, центральных для форм повелительного наклонения, но и в производных от них.

2.1. В КЛ и СЛ встречаем два контекста, в которых при употреблении двух независимых побудительных высказываний, обозначающих события, следующие одно за другим во времени, возникает импликация: события логически связаны, второе обусловлено первым.

Внѣ же реч сноуѣ тако ти и гораздо готовѣ боудѣ на передѣ иди ‘он же сказал: сын, так тебе и надо (сделать), (если) окажешься готов, иди впереди (раньше)’ [КЛ, 1147 г., 126];

на ны боудѣ то грѣх створи мирѣ и створи волю ихѣ и перестоупи хрсѣ кѣ рославоу ‘«на нас окажись (= если окажется) этот грех, заключай мир». И исполнил (он) волю их и преступил крестное целование к Ярославу’ [СЛ, 98 об., 1127 г.].

С одной стороны, приведенные примеры могут быть проинтерпретированы как два независимых высказывания: побудительное в соседстве или с еще одним побудительным. С другой стороны, во всех случаях слушающий – благодаря тому, что одно событие следует во времени за другим, – склонен делать вывод о том, что упомянутые события логически связаны, а именно: второе обусловлено первым.

В приведенных примерах оттенок обусловленности не вносится самой формой *буди*, а возникает контекстуально, однако данная модель может закрепиться в языке: происходит так называемый «синтаксический реанализ» – «соединение употребленных рядом самостоятельных побудительного и повествовательного высказываний в единое осмысленное целое» [Князев, 2007: 123]. Этот процесс осуществлен в современном русском языке, ср. пример В.В. Виноградова: *Не будь, с одной стороны, катаний на лодках, не будь портних с талями и т.п., а будь моя жена одета в нескладный капот и сиди она дома, а будь я, с другой стороны, в нормальных условиях, человек, поглощающий пищи столько, сколько нужно для работы, и будь у меня спасительный клапан открыт... я бы не влюбился* (Л. Толстой) [Виноградов, 1947: 486].

В говорах, как показывают данные АОС, процесс реанализа мог идти еще дальше, чем в литературном языке, и *буди* в значении обусловленности, теряя предикативность, превращался в условный союз (то же, что произошло с формой индикатива 3 л. ед. ч. *будет* в большинстве говоров и отражено в памятниках XVI–XVII вв. и русском литературном языке XVIII в. [Шевелева, 2008]):

бути не обосплюсь, не просплю, онеж. ‘если не засплюсь, не просплю’ [АОС: 167].

2.2. Как показывают исследованные памятники, уже в ранний период, на основе одной из контекстуальных разновидностей императивного значения разрешения при наличии более чем одного

подлежащего при *буди* в контексте, в котором события главного предложения показаны как происходящие вопреки событиям в придаточном, исследуемая глагольная форма приобретает уступительное значение³:

... а за кормилица •вѣ• грвн и за кормилицю хотѣ си боудѣ холопѣ или робѣ ‘...а за кормилицу 12 гривен и за кормилицу, окажись она (хоть она окажется) или холопкой, или рабой/несмотря на то, окажется ли она холопкой или рабой’ [РП: 4].

Буди в транспонированном употреблении (вне ситуации прямого волеизъявления) в грамотах с начала XIV в. может употребляться неогласованно с формой подлежащего:

А за все то взяти князю оу Новгорода двенадцать тысячи серебра, боудѣ Андрееве дети, боудѣ Машко з детми, или Юри Калека и все заложники... ‘а за все то взять князю у Новгорода двенадцать тысяч серебра, будь то (окажись это) Андреевы дети, будь то (окажись то) Машко с детьми, или Юрий Калека и все заложники...’ [ГВНП, № 11, 1316].

Рассматриваемая нами форма в приведенных контекстах, безусловно, сохраняет предикативность, однако подобные употребления, как кажется, показывают возможный путь эволюции *буди* по направлению к превращению в служебные слова: отсутствие согласования и неоднократное повторение этой формы в одном ряду с разделительным союзом *или* накладывают на уступительное значение *буди* разделительное значение, и форма императива начинает восприниматься как функциональный эквивалент разделительного союза.

Таким образом, в форме *буди* модальное значение основы *буд-* ‘окажется’ соединяется со склонностью форм повелительного наклонения к развитию многозначности. В рамках прямого значения в ранний период широко представлен императив 3-го лица *буди*, к XV в. практически выходящий из употребления. Данные памятников показывают, что в употреблениях *буди* уже в ранний период выделяются контекстуальные модальные разновидности, развивающиеся на основе значения ‘окажется’ и, по-видимому, являющиеся производными от прямого императивного значения. Уже в древнерусский период намечается тенденция к сближению *буди* с разрядом служебных слов.

Источники

АОС – Архангельский областной словарь. Вып. 2. М., 1982.

ГВЛ – Галицко-волынская летопись // Ипатьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Т. II.) М., 2001.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

³ Как показано в [Санников, 2008: 445–454], по этой же модели из формы императива 3 л. ед. ч. возникает в русском языке уступительный союз *пусть/пускай*.

- ДДГ* – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1950.
- КЛ* – Киевская летопись по Ипатьевскому списку // Ипатьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Т. II.) М., 2001.
- НПЛ* – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Полное собрание русских летописей. Т. III.) М., 2000.
- Пск. 3 лет.* – Псковские летописи (Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 2). М., 2000.
- РЛ* – Рогожский летописец (Полное собрание русских летописей. Т. XV.) М., 2000.
- РП* – Палеографический снимок текста Русской Правды по Новгородской кормчей книге XIII века. СПб., 1888.
- СЛ* – Суздальская летопись по лаврентьевскому списку (Полное собрание русских летописей. Т. I.) М., 2001.
- СГ* – Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963.
- Хрест.* – Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. М., 1999.

Список литературы

- Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
- Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1997.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом находок 1995–2005 гг. М., 2004а.
- Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004б.
- Князев Ю.П.* Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Мейе А.* Общеславянский язык. М., 2001.
- Мустафина Э.К.* Способы выражения значения будущего времени в тексте Повести временных лет: Дисс. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1984.
- Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. IV, Вып. II. Глагол. М., 1977.
- Санников В.З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.
- Сильницкий Г.Г.* Функционально-коммуникативные типы наклонений и их темпоральные характеристики // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Шевелева М.Н.* О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола **БЫТИ** в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2008. № 6.

Сведения об авторе: Пенькова Яна Андреевна, аспирант кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: amoena@inbox.ru.

И.А. Емелин

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ А.С. ПУШКИНА

Статья посвящена становлению психологизма в ранней лирике А.С. Пушкина и развитию переромантической традиции. Анализ мотивного уровня поэтического текста позволяет выявить ряд существенных закономерностей в эволюции лирического субъекта, обнаружить предпосылки для возникновения романтического типа лирического сознания.

Ключевые слова: выразительность, лирика, мотив, оссианизм, переромантизм, психологизм.

The article under consideration deals with the problem of pre-romantic tradition in A.S. Pushkin's lyric poetry written in his first period of creative activity. The analysis of Ossianic motifs and their expression reveals specific nature of the lyrical subject and brings to light the prerequisites for Pushkin's romanticism.

Key words: expression, lyric poetry, motif, Ossianic tradition, pre-romanticism, psychologism.

Проблема выразительности ранней лирики Пушкина связана с разнонаправленными стратегиями создания поэтического текста: с одной стороны, она обусловлена установкой на просветительское требование логической ясности в передаче незатемненного смысла, для чего необходимо находить *mot juste* («точное слово»), применять правила риторического оформления поэтических мыслей, использовать метонимическую и аллегорическую образность; с другой стороны, она приобрела новые грани, так как переромантические «сдвиги» в культурном пространстве конца XVIII – начала XIX в. предопределили становление и развитие новых форм выражения. Понятие возвышенного (*sublime*), заимствованное Э. Бёрком из приписанного Лонгину трактата «О возвышенном», становилось своеобразной альтернативой законченной в своей симметрии и гладкости форм гармонической красоте. Изменение идеала вело за собой поэтизацию торжественности, восхищения (а не наслаждения!) перед чем-то необъятным, мощным и вместе с тем неясным и беспорядочным. Переход в сторону замирающей чувственности активизировал новые поиски словесного выражения, которые позднее у романтиков будут принимать вид *mot grorge* («точного названия предметов»), индивидуализированного, уникально-личностного словоупотребления.